

СОЦИОЛОГИЯ ТРУДА

DOI: 10.14515/monitoring.2018.4.21

Правильная ссылка на статью:

Веселов Ю. В., Карапетян Р. В., Синютин М. В. Ручной труд в постиндустриальном мире: сравнительный анализ сапожного ремесла в мегаполисах России и Индии // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2018. № 4. С. 410—423. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.4.21>.

For citation:

Veselov Yu. V., Karapetyan R. V., Sinyutin M. V. (2018) Hand craft in the post-industrial world: comparative study of shoemaking in Russian and Indian cities. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 4. P. 410—423. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2018.4.21>.

Ю. В. Веселов, Р. В. Карапетян, М. В. Синютин
РУЧНОЙ ТРУД В ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОМ МИРЕ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ САПОЖНОГО РЕМЕСЛА В МЕГАПОЛИСАХ РОССИИ И ИНДИИ

РУЧНОЙ ТРУД В ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОМ МИРЕ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ САПОЖНОГО РЕМЕСЛА В МЕГАПОЛИСАХ РОССИИ И ИНДИИ

HAND CRAFT IN THE POST-INDUSTRIAL WORLD: COMPARATIVE STUDY OF SHOEMAKING IN RUSSIAN AND INDIAN CITIES

ВЕСЕЛОВ Юрий Витальевич — доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой экономической социологии, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия.

*E-MAIL: yurivitalievichveselov@yahoo.com
ORCID: 0000-0001-7797-2594*

Yuri V. VESELOV¹ — Dr. Sci. (Sociol.), Professor, Head of Chair of Economic Sociology

*E-MAIL: yurivitalievichveselov@yahoo.com
ORCID: 0000-0001-7797-2594*

¹ St Petersburg State University, St Petersburg, Russia

КАРАПЕТЯН Рубен Вартанович — кандидат экономических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия. E-MAIL: ruben.v.karapetyan@gmail.com ORCID: 0000-0002-8328-658X

СИНЮТИН Михаил Владимирович — доктор социологических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия; ассоциированный научный сотрудник, Социологический институт ФНИСЦ РАН, Санкт-Петербург, Россия. E-MAIL: sinewtin@yandex.ru ORCID: 0000-0002-5985-0347

Ruben V. KARAPETYAN¹ — Cand. Sci. (Econ.), Assistant Professor E-MAIL: ruben.v.karapetyan@gmail.com ORCID: 0000-0002-8328-658X

Mikhail V. SINYUTIN^{1,2} — Dr. Sci. (Sociol.), Professor; Associate Researcher E-MAIL: sinewtin@yandex.ru ORCID: 0000-0002-5985-0347

¹ St Petersburg State University, St Petersburg, Russia

² Sociological Institute of FCTAS RAS, St Petersburg, Russia

Аннотация. Статья посвящена социальному исследованию ручного труда в современном мире. Авторы сравнивают две модели репродукции сапожного ремесла — в России (на примере Санкт-Петербурга) и в Индии (на примере Мумбаи). В качестве теоретического основания исследования используются сетевые концепции новой экономической социологии, а также теории новой институциональной экономики. Сначала дается определение ремесла и показывается его место в современном постиндустриальном мире. Затем на основе метода наблюдения и глубинных интервью как в России, так и в Индии, авторы показывают, как функционирует сапожное ремесло в крупном городе. На основе метода сравнительного анализа выявляются общее, особенное и различное в воспроизводстве ремесла в России и Индии и представляются объяснительные модели репродукции сапожного ремесла. Авторы утверждают, что в современном мире, несмотря на индустриализацию и постиндустриализацию, ремесло не вытеснилось

Abstract. This article is devoted to a social study of manual labor in the contemporary society. The authors compare two models of reproduction of shoemaking: a Russian model (St Petersburg) and an Indian model (Mumbai). The theoretical framework of the study is network concepts of New Economic Sociology and New Institutional Economics. The authors define the handcraft and its place in the postindustrial society. Then, based on observation method and in-depth interviews in Russia and India, they describe how the craft of shoemaking functions in large cities. A comparative analysis is used to reveal general, specific and distinctive features of Russian and Indian handcrafting and to present explanatory models of handcrafted shoemaking reproduction. The authors argue that despite industrialization and post-industrialization in today's world crafts were not forced out to turn into souvenir business but continue to meet basic human needs. Handcraft survives due to social networking (migrants from the former Soviet republics in Russia and migrants from neighboring rural areas

в «сувенирную» отрасль, а продолжает удовлетворять основные базовые потребности людей. Ремесло до сих пор существует, потому что опирается на социальные сети (в России это мигранты из стран Советского Союза, в Индии — мигранты из соседних сельских регионов), обеспечивая самые низкие производственные, транзакционные и социальные издержки.

Ключевые слова: ремесло, ручной труд, институционализация ремесла, сапожное ремесло, Санкт-Петербург, Мумбаи

Благодарность. Статья подготовлена при финансовой помощи Фонда поддержки социальных исследований «Хамовники» Грант «Институционализация сапожного ремесла в современном городском пространстве: на примере Санкт-Петербурга (Россия) и Мумбаи (Индия)», 2016—2017.

in India) and has the lowest production, transaction and social costs.

Keywords: handcraft, manual labor, handcraft institutionalization, shoemaking, St Petersburg, Mumbai

Acknowledgment. The article is financed by Khamovniki Foundation for Social Research Support (grant «Institutionalization of handcrafted shoemaking in modern urban space: a case study of St Petersburg (Russia) and Mumbai (India)», 2016—2017).

Введение

В последнюю четверть XX века родилась (и почти уже исчезла) идея постмодерна — идея о том, что произошел разрыв в истории мира, что мы покинули старый индустриальный и капиталистический мир, и теперь движемся по направлению к совершенно другому — мы не знаем еще, как его назвать, все его определения не приживаются, но он точно будет другим, не похожим на прежний, устаревший мир. После идеи постмодерна в общественных науках обосновалась теория глобализации — экономической, политической, культурной. Мир стал представляться как связанное целое, где целое — больше суммы частей, где глобальное (общее) господствует над локальным (частным).

Правильно ли все это? Безусловно, да, наш мир действительно преобразился (причем на наших глазах — в течение жизни одного поколения). Это постиндустриальный, глобальный, функционирующий по правилам постмодерна мир. На наш взгляд, переход к нему не стал окончательным и бесповоротным разрывом с прошлым, этот дивный новый мир хранит в себе черты не просто прошлого — а архаического прошлого; в нем как в мозаике сочетаются и черты древнего мира, и традиции средневековья (теоретики постмодерна думали, что новый мир — это новое средневековье; оказалось, что нет — современные войны носят вполне религиозный характер), и характеристики индустриального капитализма с прису-

щей ему эксплуатацией труда капиталом (теперь уже не национальным, а интернациональным или глобальным). На примере ремесла в современном городе мы хотим показать, что постиндустриальный мир предполагает не полное вытеснение индустриальных и доиндустриальных форм труда и производства, а их гибкое сочетание — там, где это выгодно, где низкие экономические, транзакционные и социальные издержки продолжают успешно воспроизводиться ремесленные формы труда и занятости и соответствующие им социальные формы.

Если вы вдруг окажетесь в Нью-Йорке, то, спустившись в метро, увидите в этом передовом городе мира чистильщиков обуви. За три минуты вам отполируют ботинки, и это не обычная услуга, а особый ритуал: клиента помещают прямо-таки на «трон» — высокое кресло с подлокотниками. И весь мир суетится у ваших ног. Но счастье длится недолго, и вот вы опять обычный пешеход, но уже в сияющих ботинках. В Санкт-Петербурге нет таких ритуалов, но если у дамы сломался каблук, то наверняка рядом найдется будочка сапожника, где сразу же будет сделан мелкий ремонт. В Мумбаи вы увидите, как на улице не просто чистят или ремонтируют обувь, там же ее и шьют. Надежной и прочной обувью ручной работы гордятся индийские обувщики-сапожники, слышавшие от кого-то, что за границей ручной труд в цене. Хотя эта индийская обувь будет неказистой, но все же долговечной — хорошие прочные нитки, натуральные кожаные материалы. Почему еще не умер этот ручной труд, как он сохраняется? Какие экономические и социальные институты способствуют его воспроизводству? Все эти вопросы в центре нашего внимания. Мы попытаемся представить свое объяснение процессов репродукции ремесла на примере исследования сапожного дела в России и Индии.

Ремесло как объект научного анализа

За последние десять лет в научной литературе в области социальных наук повысился интерес к исследованию ремесла в современном мире [Sennet, 2009; Luckmann, 2015; Водянова, 2010]. Проводятся кросскультурные сравнительные исследования ремесла, например, в Таиланде и Коста-Рике [Wherry, 2008]. Наше собственное исследование — продолжение этой традиции сравнительных исследований ремесла, мы изучали ремесло и ручной труд в России и Индии (на примере нескольких городов: Санкт-Петербург в РФ; Мумбаи, Кочин, Тришур в Индии).

Для формирования научных подходов к изучению ремесла необходимо представить обобщающие характеристики самого явления «ремесло». Цель данного анализа сводится к определению особенностей рассматриваемого объекта в череде явлений социально-экономического пространства, формированию научной картины объективных причин распространения и востребованности данного вида деятельности, ее институционализации в повседневных практиках общества. В самом общем виде в русском языке под ремеслом понимается «рукодельное мастерство, ручной труд, работа и умение, коим добывают хлеб; само занятие, коим человек живет, промысел его, требующий более телесного, чем умственного труда»¹. Таким образом, ремесло — это в первую очередь ручной труд, чаще физический (производительный). Это труд, результаты которого находятся в непосредственном распоряжении самого

¹ Словари и энциклопедии [Электронный ресурс] // Толковый словарь Даля, 2018. URL: www.endic.ru/dal/Remeslo-36057.html (дата обращения: 21.08.2018).

мастера. Научное толкование ремесла имеет свою специфику в зависимости от отрасли науки. В экономике ремесло трактуется как «1) мелкое, преимущественно ручное производство товаров, требующее значительного мастерства; 2) владение искусством изготовления определенных видов вещей, наличие соответствующей профессии» [Райзберг, Лозовский, 1999: 479]. В социологии ремесло рассматривается в первую очередь как социальный конструкт, как продукт развития социальной среды, определяющий ее существование [Knutzen, 2002; Noll, 1975]. Оно отвечает на потребности, формируемые обществом в отношении сохранения культурных, нравственных и этических традиций, с одной стороны, и развитием (совершенствованием) экономического потенциала — с другой.

Наиболее знаковыми с точки зрения социологии характеристиками ремесла можно назвать следующие:

- профессиональная преемственность поколений, когда профессиональные знания и опыт передаются от одного поколения к другому в рамках одной (реже — нескольких) семей;
- художественный (творческий) потенциал в работе, предполагающий высокий профессионализм и часто — нестандартный подход, неординарное мышление;
- непосредственный контакт с потребителем (заказчиком);
- приоритет качества над количеством.

В ремесле реализуется поиск особых форм экономического и социального целеполагания в условиях, когда экономические приоритеты (зарабатывание денег, рентабельность производства) диссонируют с сохранением традиций, семейным укладом и ценностями творческого выражения в труде. На протяжении всей доиндустриальной эпохи ремесло доминировало в городской экономике, что означает сформировавшийся устойчивый социальный институт ремесла, существовавший на протяжении нескольких тысячелетий. Перечисленные характеристики ремесла позволяют утверждать, что оно не может рассматриваться только как экономическая интеракция, как функционирующая определенным образом и по определенным принципам экономическая организация. Его существование и назначение определены также общественными процессами, социальными условиями, формирующими среду для воспроизводства института ремесла.

В нашем исследовании пришлось разделить сравнительный анализ ремесла на три части: в первой части мы сравнивали российское и индийское общество с точки зрения социальной структуры и тенденций ее развития (забегая вперед, отметим, что Россия по сравнению с современной все еще кастовой Индией — общество абсолютного социального и профессионального равенства); во второй части мы сравнивали институциональные формы и процессы экономических практик ремесла в Петербурге и Мумбаи (в отличие от Мумбаи, где все практики ремесла неформализованы и господствует только наличный оборот денег, Петербург — просто образец рациональной организации и управления); в третьей части мы сравнивали сами социальные практики сапожного ремесла и их поддерживающие социальные структуры (и там, и у нас основой такой поддерживающей ремесло структуры оказались миграция — приток дешевой рабочей силы — и социальные сети мигрантов) [Веселов и др., 2017: 23—37].

Что касается исследовательских методов, то мы основывались на подходах выработанных экономической этнографией и этнографией профессий [Ybema et al. 2009], где основным принципом выдвигается следующий — «from participant observation to observant participation». Действительно, очень часто нам приходилось строить наблюдение под видом посетителей сапожных мастерских (в Петербурге достаточно принести обувь в ремонт, чтобы завязался разговор; в Индии часто приходилось покупать всякие мелочи у сапожников). Использованные эмпирические методы исследования носили качественный характер (всякая экономическая статистика ремесла практически отсутствует). Во-первых, мы проводили наблюдение практики работы сапожных мастерских (в Петербурге) и точек (в Индии), нам удалось поставить открытую камеру видеофиксации в одной из мастерских Петербурга с согласия и мастера, и владельца мастерской (часто это разные люди); во-вторых, мы проводили глубинные интервью как владельцев мастерских, так и самих сапожников (шесть в Петербурге и шесть в Мумбаи); в-третьих, мы проводили контент-анализ содержания форумов сапожников и обувщиков (только на русском языке). В процессе полевой работы мы сталкивались с различными непредвиденными препятствиями: мы рассчитывали, что в Мумбаи мы сможем общаться с сапожниками на английском языке, но это оказалось абсолютно нереальным — сапожники не говорят на английском, но даже и на хинди; их язык — маратхи в Мумбаи, и малайлам на юге Индии. Пришлось воспользоваться помощью коллег университета Мумбаи, за что мы им очень благодарны. Но и в Петербурге в процессе интервью мы столкнулись с проблемой языка: оказывается мастера, приехавшие из Армении, плохо говорят на русском; здесь нам помогали в переводе владельцы мастерских. Кроме того, социальный контекст практик сапожного ремесла настолько разный, что некоторые наши вопросы в Индии вообще не воспринимались (например, такой: «Насколько вы удовлетворены своим трудом?»). Мы также не рассчитывали на глубокую укорененность сапожного ремесла в кастовую структуру индийского общества.

Сапожное ремесло в современном мегаполисе

Почему мы выбрали Петербург и Мумбаи для сравнительного исследования? Во-первых, это крупнейшие города, так называемые вторые столицы, которые находятся в непосредственной конкуренции с официальными столицами. В Санкт-Петербурге проживает 5 млн 200 тыс. человек², плюс ежегодно приезжает около 7 млн туристов. В Мумбаи вместе с городами-спутниками — около 20 млн человек. Оба города — крупнейшие морские порты, а столицы России и Индии сухопутные. Близость к морям и океанам формирует характер городов, они конкурируют за право называться вторыми столицами своих стран. Моряки и торговые суда приносят заморские культурные традиции и происходит смешение различных языков и культур. Оба мегаполиса — Санкт-Петербург и Мумбаи — являются непосредственными продуктами проникновения западного капитализма в Россию и Индию. Города почти сверстники: их создали представители одного поколения. Санкт-Петербург строился в XVIII в. как западный, европейский город в противовес

² Население Петербурга [Электронный ресурс] // Петростат, 2017. URL: http://petrostat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/petrostat/ru/statistics/Sant_Petersburg/population/ (дата обращения: 21.08.2018).

отсталой Москве, во времена СССР он считался наименее советским по характеру городом. Мумбаи тоже недавно был переименован; в нем смешиваются различные языки (маратхи и хинди) и культуры. Мумбаи считается богатым городом, в нем как нигде в Индии сочетаются крайняя бедность и кричащее богатство. Половина населения Мумбаи живет в трущобах, без электричества, без воды и канализации [De Wit, 2017]. В Санкт-Петербурге трущоб нет; уровень жизни выше среднероссийского, но до столицы не дотягивает. Нет и такого разрыва между богатством и бедностью, как в Мумбаи, но социальные различия заметны. Санкт-Петербург и Мумбаи исторически формировались как мультикультурные и многоконфессиональные центры.

Санкт-Петербург исторически был индустриальным центром, в нем еще в XIX в. работало около ста заводов и фабрик [Летюхин, 2014: 222]; город состоял из рабочих, которые часто были недовольны своим социальным положением, поэтому Санкт-Петербург — город революций. Индустриализация вытеснила тяжелый ручной труд из Санкт-Петербурга, многие процессы механизированы, а новые производства полностью автоматизированы (например, автомобильный кластер Санкт-Петербурга, представленный такими компаниями, как Toyota, Hyundai, Ford, Nissan — все это новые роботизированные производства).

В Мумбаи индустриализация продвинулась не так далеко, хотя там сосредоточены производства Tata Group (автомобили, химия, энергетика), Aditya Birla Group (цемент, металлы, текстиль), Reliance Industries Limited (текстиль, телекоммуникации, нефть и газ). Исторически Мумбаи был центром текстильной промышленности, но сегодня он производит электронику, автомобили, продукты пищевой промышленности. Вместе с этим в городе процветает ремесленное производство, которые никуда не исчезло со времен средневековья. Причем это не столько сувенирная отрасль (производство украшений или изделий для дома), сколько настоящие ремесленные производства, такие как кожевенное (выделка, дубление и окраска кожи). Раньше они находились в районе Dharavi, сейчас там сосредоточены производство и продажа кожаных изделий. Там же и трущоба, где живут мастера и рабочие, которые вручную производят обувь. Нет никакой механизации, все операции делаются на улице мастерами, тут же и продают обувь. Рабочий процесс поделен на операции, каждый мастер специализируется на своей. Качество такой обуви (как и других кожаных изделий) низкое, хотя обувь прочная и сделана из натуральных материалов. Кто покупает такую обувь? Прежде всего те, кто не может ходить в сандалиях (не положено по долгу службы или не принято). Это, например, офисные работники, которые одеты в костюмы и галстуки, а к ним полагаются ботинки. Это полицейские (часто им обувь достается бесплатно, так как они дают неформальное разрешение находиться на вверенной им территории). В Санкт-Петербурге такого производства обуви на улице не встретишь.

Сапожное ремесло в мегаполисе чаще представляет собой мелкий ремонт обуви на улице. Это преимущественно ручной труд, может быть, с элементами механизации. В Санкт-Петербурге сапожник сидит в небольшой будке — в советские времена они были одинаковыми со стеклянными дверьми, сейчас это будки из металлического профиля с утеплением. В любом случае это временное сооружение: такая будка легко ставится краном с грузовика, и так же легко может быть

демонтирована. К ней подведено электричество, у мастера, как правило, стоит точильный станок и плитка для разогрева материала. Он сам принимает заказы, выдает квитанции и занимается ремонтом. Он индивидуальный предприниматель, платит налоги, хотя зачастую вынужденный — многие хотели бы работать на предприятии с хорошей заработной платой, но когда нет такой возможности, мастеру приходится оформляться как юридическое лицо. Такой бизнес нет смысла расширять и вкладывать в него средства. В любой момент местные власти могут попросить предпринимателя убрать будку. Зарабатывают мастера по нашим данным немного: от 30 до 60 тыс. рублей в месяц (примерно 500—1000 USD), при том, что средняя заработная плата 45 тыс. рублей³. Многие говорят, что в 1990-е годы заработки были выше, но сейчас спрос упал.

Существуют мастерские побольше — как правило, в старых районах, в подвалах или пристройках. В них уже не только мастер, но есть приемщица заказов, есть и хозяин, который занимается бухгалтерией, рядом может быть другой мастер — например, занимающийся изготовлением ключей. У хозяина, скорее всего, несколько точек, на которых работает наемный персонал. У мастера в такой мастерской заработная плата ниже, чем у индивидуальных предпринимателей — не выше 40 тыс. рублей, но зато хозяин бизнеса платит налоги, а мастер получает заработную плату каждый день — это особо ценится. Хозяин общается с клиентами, если есть претензия; он же закупает материалы, инструменты и оборудование.

В Индии уличный сапожник сидит прямо на оживленной улице, прислонившись к стене. Сидит он в особой позе сапожника (такая есть в йоге; ступни ног друг к другу), рядом у него колодочка и нехитрый инструмент. Он занимается мелким ремонтом сандалий или другой обуви. В Мумбаи самое оживленное место — на набережной у «Ворот в Индию» (Gateway of India), там мы поговорили с сапожником о взаимоотношениях с властями. Обычно сапожник не платит налоги и никак не оформлен (ни патента, ни лицензии). В этом отличие от России, где хозяин мастерской как правило индивидуальный предприниматель, зарегистрированный в налоговой инспекции и платящий минимальные налоги по упрощенной схеме. В Индии в целом 95 % экономики функционирует неформально, из 600-миллионного рабочего населения налогоплательщиков — всего 50 миллионов. Поэтому власти Индии собирают только косвенные налоги, особенно через акцизы на бензин и другие товары. Как же существует сапожник? Он просто договаривается за небольшую плату с местным полицейским, что тот закрывает глаза на его работу. А если приходит старший чин, полицейский предупреждает, что надо уйти. Сколько зарабатывает уличный сапожник в Мумбаи? В самом лучшем месте до 10 тыс. рупий в месяц (в 2017 г. одна индийская рупия примерно равна одному российскому рублю), это примерно 150 USD. В провинции гораздо меньше — там ниже спрос, хотя и стоимость жизни меньше, поэтому выручка составляет около 3—5 тыс. рупий в месяц.

Такой сапожник не один, он всегда живет в артели, вместе жить дешевле. Сапожники — определенная каста. Не такая низшая, как кожевники. Те просто неприкасаемые, но и сапожники находятся в пространстве депривилегированных

³ Рынок труда, занятость и заработная плата [Электронный ресурс] // Росстат 2018. URL: www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/rates/3aaf0b00420c9778bf91ff2d59c15b71 (дата обращения: 21.08.2018).

слоев населения. У них свой круг общения, одна каста живет и ест вместе (высшим есть с ними запрещено). В принципе, браки тоже должны быть в рамках одной касты, но сейчас эти требования соблюдаются уже не так строго. Сапожники в Индии работают шесть дней в неделю в светлое время суток (так же и Петербурге). В Индии распространено и другое занятие сапожников, которого нет ни в России, ни в Европе. Это восстановление обуви: сапожники покупают за бесценок немного поношенную обувь, ремонтируют ее, а потом продают по цене чуть ниже новой. Тут уже действует артельное производство и разделение труда.

Социальные механизмы и объяснительные модели репродукции ремесла

Попытаемся объяснить, что служит источником устойчивого воспроизводства ремесла и сохранения ручного труда в постиндустриальную эпоху.

Считается, что в век индустриализации машинное производство дешевле, чем ручное. Однако в Индии индустриализация еще не закончена: большая численность населения, огромный приток рабочих рук все еще сохраняют дешевым ручной труд. Поэтому на мелких и средних фабриках он не исчезает: машина еще дорога, а человек пока дешевле. Кроме того, сохранились культурные традиции ручного труда. Индия — все еще страна крестьян, в деревнях господствует ручной труд. Поэтому крестьянин, отправляющийся на заработки в город, не чурается ручного труда. Сапожник в Мумбаи — это бывший крестьянин, приехавший на заработки в город. Его семья, как правило, остается в деревне, туда он посылает половину своего заработка.

Так было и в Санкт-Петербурге конца XIX столетия. Город тогда наводнили крестьяне, приехавшие на заработки. Этот феномен был назван Б. Н. Мироновым окрестьяниванием городского населения [Веселов, Козловский, 2017:166], как говорили «город разбух от деревни» [Миронов, 1999: 342]. Многие политические явления, такие как тоталитаризм, в России во многом были связаны с господствующим крестьянским мышлением. В патриархальной системе ценностей всегда есть место вождю и его твердой руке. Сталин как никто лучше подходил на эту роль. Отголоски этого патриархального сознания бывших крестьян в городе слышны и в сегодняшнем политическом дискурсе России. Тем не менее в 1950-е годы пройден рубеж урбанизации — большая половина населения стала городской. В Индии урбанизация отстает, там еще 70 % сельского населения [The Hindu, 2018], поэтому источник дешевой рабочей силы останется еще надолго; соответственно есть условия воспроизводства ремесла и ручного труда, миграция крестьян в города будет еще продолжительное время поддерживать этот процесс. Труд в этих условиях всегда молод, в Мумбаи 50 % населения до 30 лет — настоящее царство молодежи.

Но почему не умерло ремесло в индустриализированных странах, таких как Россия? Здесь не так много рабочей силы, а цена труда не столь низкая. Оказывается, что социальный механизм почти такой же, как и в Индии — низкая цена труда обеспечивается притоком мигрантов. В Санкт-Петербург ежегодно приезжает до миллиона трудовых мигрантов из стран бывшего Советского Союза. Сначала это были белорусы, украинцы и молдаване, но вскоре их вытеснили узбеки, а в самое последнее время — таджики. Молодежь из Средней Азии занимает все

вакансии, связанные с тяжелым ручным трудом. Это дорожники, строители, водители автобусов, подсобные рабочие и т. д. Квота на официальную трудовую миграцию очень низкая, поэтому большинство мигрантов трудятся неофициально. Это дает возможность работодателям не платить налоги, ущемлять права трудящихся, ведь никто из неофициальных мигрантов не имеет право на пенсию или социальное страхование. Бесправное положение связано и с низкой оплатой труда, кроме того, и конкуренция высока. За 30 тыс. рублей в месяц мигрант согласен на любую тяжелую работу. Стоимость жизни примерно такова: 5 тыс. рублей на питание, до 10 тыс. на проживание (часто мигранты живут там же, где и работают, например, в строительных вагончиках) [Петрова, 2012: 162—168]. Местные полицейские, конечно, всегда в курсе, кто и где живет, но небольшая сумма денежных средств почти всегда решает проблему. Попробуйте выселить мигрантов, занимающих какое-то помещение, — вряд ли вам это удастся, ведь вы затрагиваете не интересы мигрантов, а неофициальные финансовые потоки местных властей. Проблема еще в том, трудовые мигранты из Средней Азии (в основном мусульмане) не знают русского языка, они попадают в зависимость еще и от «десятника», бригадира, который знает русский, он ими командует и получает свой процент. Трудовые мигранты мало склонны интегрироваться в местное сообщество, они не понимают и не принимают Санкт-петербургскую культуру, поэтому живут ограниченными анклавами. Если с трудовыми мигрантами приезжают дети, то вполне вероятно, что они не ходят в школу, но зато те, кто посещает школу, очень быстро адаптируются к местной среде.

Работают ли мигранты из Средней Азии сапожниками? Наше исследование выявило, что в Санкт-Петербурге практически нет. Только в тех случаях, когда есть довольно большое предприятие с русским хозяином и он нанимает рабочих для починки обуви. А как же тогда воспроизводится сапожное ремесло? Наши интервью с сапожниками со стажем показали, что в советские годы сапожное дело в Санкт-Петербурге (Ленинграде) почти повсеместно было занято ассирийцами. Это христиане-беженцы из региона современной Сирии, которые спасались от турецкого нашествия. Через Армению они бежали в начале XX в. в Российскую Империю, часть из них осела в столице. Они и «захватили» сапожное ремесло в городах России. В 1930-е годы в Санкт-Петербурге была создана артель «Труд-ассириец», которая объединяла ассирийцев-сапожников. Позже, в 1950-е годы, советское государство пыталось избавиться от индивидуального труда сапожников и объединить всех сапожников в более крупные предприятия обслуживания населения. Эти центры бытового обслуживания были включены в централизованное планирование и нормирование, что, конечно, сразу же привело к дефициту. Чтобы поменять подошву на сапогах, люди ждали в плановой экономике месяц, таковы были допустимые нормы времени на ремонт обуви. Поэтому немногочисленные индивидуальные сапожники зарабатывали хорошие деньги.

Все изменилось в конце 1980-х годов, когда государство опять разрешило работать артелям и кооперативам, и эти мелкие частные предприятия сразу же сбалансировали спрос и предложение в отрасли. Постепенно ассирийцы в Санкт-Петербурге ушли из сапожного ремесла (в других городах, например, в Казани, они остались). Их место в 1990-е годы заняли армяне. Сегодня, по оценке самих сапожников, 80% занятых в этом бизнесе — армяне. Конечно, это не бизнес, основанный на рацио-

нальной организации предприятия, а скорее вынужденное предпринимательство. Даже для тех хозяев-армян, которые держат несколько точек, это тоже в большей степени способ выживания. Он основан на этнических связях — многие пришли в бизнес с помощью армянской диаспоры в Санкт-Петербурге, часто они нанимают армян-мигрантов (особенно тех, кто не говорит или плохо говорит по-русски); они не рассчитывают капитализировать дело, то есть расширять бизнес вертикально: они могут открыть еще одну точку (это горизонтальные связи), а вот заняться смежным бизнесом (поставлять материалы для ремонта или поставить на поток подготовку помещений для сапожных мастерских) — нет. Хотя по форме такая деятельность — предпринимательство, мелкий бизнес, в нем нет рационального ведения дела, это скорее традиция, способ хозяйствования, рынок как способ существования. Высоки и моральные ограничения. Работник для такого хозяина-армянина не просто наемный рабочий, а земляк, член своей общины, его надо поддерживать, а не эксплуатировать. Сапожники-армяне несут моральные обязательства по отношению к клиентам, могут выполнить срочную работу с задержкой оплаты. Отношения мастеров с клиентами доверительные: если мастер умелый и вежливый, у него вскоре формируется своя клиентура. Она будет следовать за ним, если вдруг придется менять точку. Мы с удивлением обнаружили, что уровень толерантности к армянским мигрантам-сапожникам довольно высок. В отличие от выходцев из Средней Азии (мусульман), к армянам более доброе отношение.

Итак, основной социальный механизм, обеспечивающий устойчивую репродукцию ремесла и ручного труда, — миграция. В Индии это миграция крестьян в город, где земляки вместе живут и работают, родственные и соседские связи помогают им выживать в непростых условиях города. В Санкт-Петербурге это трудовая миграция из стран бывшего Советского Союза. Этнические связи помогают и в трудоустройстве мигрантам-сапожникам, и в организации бизнеса. Эти этнические связи и являются тем социальным механизмом, что обеспечивает самые низкие социальные издержки функционирования и развития ремесла в крупном городе.

Объяснительные модели репродукции ремесла

Можно ли считать сапожное ремесло частным случаем в общем случае функционирования ремесла в современном постиндустриальном мире? Мы считаем, что да. Сапожное ремесло, как и другие виды ремесла — ремонт часов, изготовление ювелирных изделий или ремонт мебели, — функционирует по общим законам и правилам воспроизводства ремесла. Почему существует ремесло? Потому что удовлетворяет производственные потребности. Ручной труд в массовом масштабе сохраняется, поскольку он дешев, то есть дешевле механизации и автоматизации процесса. (Однако есть и противоположная тенденция — пошив самой дорогой обуви обязательно ручной труд, но самого высокого качества). У ремесла самые низкие транзакционные издержки: как мы видели в Индии, можно не создавать юридическое лицо, не надо платить налоги, вести бухгалтерию, выдавать чеки клиентам. Можно всего лишь неформально договориться с властями, и все проблемы решены. Соответственно, клиент получает услугу по более низкой цене. Наконец, социальные издержки. Если потребовались услуги ремесленника, он всегда рядом. Он территориально приближен к своему потребителю, не надо тратить

время на поиски. Давайте представим, что крупные обувные предприятия сами организуют починку обуви. Такое в принципе возможно, но на деле этим никто не занимается, мелкие ремесленники делают ремонт гораздо дешевле и быстрее.

Также стоит отметить, что ремесленное предприятие существует в другом экономическом пространстве. Фернан Бродель, замечательный историк-экономист, настаивал, что экономика содержит в себе три пространства: материальную жизнь, рыночную экономику и капитализм. Все три экономические сферы функционируют по своим собственным законам и развиваются с различной скоростью — в сфере материальной жизни цикл самый длинный (там почти нет нововведений), а самый короткий — в капиталистическом предприятии, которое основано на инновациях. Ремесло и ручной труд существуют на границе материальной жизни и рыночной экономики. Например, современный индивидуальный сапожник пользуется практически теми же инструментами, что и его коллега из эпохи египетских царств. Отличие в том, что он использует деньги, а в Древнем Египте до династии Птолемеев денежные отношения не были развиты. Но современному сапожнику деньги нужны не как капитал, а как средство выживания. С их помощью он обеспечивает жизнь и благосостояние своей семьи. Он не ведет рационально организованное предприятие, если покупает патент, то не ведет и бухгалтерию. Его деятельность подчиняется традиционным правилам.

Пересекаются ли эти экономические пространства? Не часто. Капитализм мало заинтересован в том, что делает ремесло: не те объемы, не та культура, не тот спрос. Скорее, они дополняют друг друга. Но затрагивает ли сфера капитализма и глобальной экономики жизнь ремесла? Безусловно, да. Например, сапожники всегда конкурируют с дешевой экспортной обувью. Как только Китай налаживает поставки дешевой обуви, так спрос на услуги сапожников упал. Но сапожники всегда в поиске новых ниш для ремесла: они сразу же перешли из сферы пошива обуви, где не могли конкурировать с дешевым китайским товаром, в сферу ремонта обуви. Или стали специализироваться на шитье обуви на заказ, или ортопедической, или детской обуви.

Итак, ремесло и ручной труд еще не потеряли свою значимость в современном мире. Как мы пытались показать, существуют экономические и социальные механизмы, обеспечивающие их устойчивую репродукцию.

Заключение

В современном мире как в мозаике соединяются различные экономические уклады и формы труда. В нем гибко сочетаются и высокоинтеллектуальный труд, и автоматизированное производство, и тяжелый ручной труд. Причем в одно и то же время, и в одном и том же географическом пространстве. Это хорошо видно на примере Индии: вот крестьянин обрабатывает свое поле доисторическими орудиями труда (мотыга, как говорили раньше, царица полей), по дороге мимо несутся грузовики TATA или Mahindra, произведенные тут же, на соседнем предприятии, а напротив через дорогу в кафе, там, где есть wi-fi, сидит индеец-программист из Бангалора, он пьет чай, зевает, не выспался, поскольку с помощью удаленного доступа работает по американскому времени на IBM или Google. Вот так одновременно сочетаются прошлое, настоящее и будущее, глобальное и ло-

кальное пространства. Конечно, это свойственно не только Индии. Присмотритесь к улицам своих городов, вы увидите трудовых мигрантов, которые заняты в мире постмодерна тяжелым ручным трудом: они моют тротуары и убирают мусор, строят дороги, сооружают частные и общественные здания, разгружают машины у супермаркетов. Ручной труд не исчез, он рядом с нами. Как и ремесло не исчезло, не вытеснилось в сувенирную отрасль, а продолжает удовлетворять наши базовые материальные потребности. На примере сапожного ремесла в России и Индии мы показали, что специфические экономические и социальные механизмы обеспечивают устойчивую репродукцию и институционализацию ремесла, основанного на ручном труде. Для Индии процессы модернизации, в том числе урбанизации и индустриализации, еще далеко не завершены. Поэтому постоянно возрастающая миграция из деревни в город обеспечивает воспроизводство ручного труда и ремесленного производства. В России, где индустриализация происходила в несколько этапов, в том числе и ускоренная в 1930-е годы за счет разрушения крестьянского мира и ухудшения благосостояния жителей городов, ремесло и ручной труд воспроизводятся благодаря трудовой миграции из стран бывшего Советского Союза. Согласно нашему исследованию, большинство Санкт-петербургских сапожников — армяне. Они либо недавно приехали в Россию в поисках более высоких заработков, либо беженцы из Нагорного Карабаха. Этнические сети способствуют и более быстрому трудоустройству, и ведению бизнеса.

Воспроизводство ремесла обеспечивает не только миграция, это всего один из источников его успешной репродукции в современном мире. Ремесло выживает там, где оно обеспечивает самые низкие производственные, транзакционные и социальные издержки и воспроизводится благодаря сохранению культурных традиций ручного труда. Мы можем предположить, что ремесло и ручной труд не сдадут свои позиции в эпоху постмодерна.

Список литературы (References)

Веселов Ю. В. Экономическая социология постмодерна // Журнал социологии и социальной антропологии. 1998. Т. I. № 1. С. 72—80.

Veselov Y. V. (1998) Economic sociology of postmodern. *Journal of sociology and social anthropology*. Vol. 1. No. 1. P. 72—80. (In Russ.)

Веселов Ю. В., Карапетян Р. В., Синютин М. В., Босле Б. В., Кандерао Х. П. Аналитическая модель исследования сапожного ремесла в Санкт-Петербурге и Мумбаи // Вестник СПбГУ. Социология. 2017. Т. 10. Вып. 1. С. 23—37.

Veselov Y. V., Karapetyan R. V., Sinyutin M. V., Bhosale B. V., Khanderao H. P. (2017) Analytical model of the study shoemaking crafts in Saint-Petersburg and Mumbai. *Bulletin of St. Petersburg University. Sociology*. Vol. 10. No. 1. P. 23—37. (In Russ.)

Веселов Ю. В., Козловский В. В. Социология истории Б. Н. Миронова (о книге «Российская империя: от традиции к модерну») // Социологические исследования. 2017. № 5. С. 166—172.

Veselov Y. V., Kozlovsky V. V. (2017) A Venture in sociological understanding of the history of Russian empire (about the book «Russian Empire: From Traditional to Modern

Society». Saint Petersburg, 2014—2015). *Sociological Studies*. No. 5. P. 166—172. (In Russ.)

Водянова И. Н. (2010) Новая ремесленная экономика как вид малого предпринимательства // Проблемы современной экономики. № 2 (34). С. 206—209.

Vodianova I. N. (2010) New craft economy as a kind of small business. *Problems of Modern Economy*. No. 2 (34). P. 206—209. (In Russ.)

Летюхин И. Д. Промышленность Санкт-Петербурга: история, проблемы и перспективы развития // Научный журнал НИУ ИТМО. Серия «Экономика и экологический менеджмент». 2014. № 4. С. 221—231.

Letyuhin I. D. (2014) Industry of St. Petersburg: history, problems and prospects. *Scientific journal ITMO. Series «Economics and environmental management»*. No. 4. P. 221—231. (In Russ.)

Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX в.). СПб. : «Дмитрий Буланин», 1999. Т. 1. 548 с.

Mironov B. N. (1999) Social history of the Russian Empire (XVIII — beginning of XX century). St. Petersburg: Dmitry Bulanin. Vol. 1. 548 p. (In Russ.)

Петрова О. С. Направления социальной адаптации среднеазиатских трудовых мигрантов в Санкт-Петербурге // Вестник Челябинского государственного университета. 2012. № 4 (258). Философия. Социология. Культурология. Вып. 23. С. 162—168.

Petrova O. S. (2012) The directions of social adaptation of Central Asian labor migrants in St. Petersburg. *Bulletin of the Chelyabinsk state University*. No. 4 (258). Philosophy. Sociology. Culturology. No. 23. P. 162—168. (In Russ.)

Райзберг Б. А., Лозовский Л. Ш., Стародубцева Е. Б. (1999) Современный экономический словарь. М. : ИНФРА-М. 479 с.

Raizberg B. A., Lozovskiy L. S., Starodubtseva E. B. (1999) Modern economic dictionary. Moscow: INFRA-M. 479 p. (In Russ.)

De Wit J. (2017) *Urban Poverty, Local Governance and Everyday Politics in Mumbai*. London: Routledge. 320 p.

Knutzen S. (2002) *Steigerung der Innovationskompetenz des Handwerks: eine Studie am Beispiel des Installationshandwerks in Hamburg*, Bertelsmann, Bielefeld. 307 s.

Luckman S. (2015) *Craft and the Creative Economy*. L.: Palgrave Macmillan. 187 p.

Noll A. (1975) *Sozio-ökonomischer Strukturwandel des Handwerks in der zweiten Phase der Industrialisierung: unter besonderer Berücksichtigung der Regierungsbezirke Arnsberg und Münster*. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht. 386 s.

Sennet R. (2009) *The Craftsman*. L.: Penguin Books. 336 p.

Wherry F. F. (2008) *Global Markets and Local Crafts: Thailand and Costa Rica Compared*. Baltimore: John Hopkins University Press. 184 p.

Ybema S. et al. (eds.) (2009) *Organizational Ethnography: Studying the Complexities of Everyday Life*. Washington: Sage Publ. 304 p.